

Думитру МАТКОВСКИ

«РЕЖИССУРА» ПО ТЕЛЕФОНУ

Горькие воспоминания с надеждой на лучшее

В 1980 ГОДУ группа молодых молдавских актеров возвратилась в Кишинев после окончания театральной школы имени Шухида и основала театр «Лучафзул». В свое время об этом театре было сказано много добрых слов. В годы дебюта «Лучафзул» был молодежным театром, а мы, тогдашние студенты, не только посещали его почти каждый вечер, но даже записывали спектакли на магнитную ленту, чтобы звучать наизусть.

Вскоре после создания театра начал появляться и пьесы, написанные специально для него: «Радэ Штефан Первый и Последний» Аурелю Бушуйою, «Все в порядке» Анны Лупан, «Минодора» Андрея Стрэмбану и другие. Мы надеялись, что молодой группа обеспечена прекрасной будущностью. Но... после примерно десяти, двенадцатилетней работы коллектива «Лучафзул» неожиданно свезли нас. Началось совпадение с приходом на должность директора театра Иона Подольяну.

Ион Подольяну работал инспектором в республиканском министерстве культуры и написал пьесу. Тогдашний главный режиссер театра Ион Унгуряну включил ее в репертуар. В «Лучафзуле» как раз не было директора — в тот же Ион Унгуряну рекомендовал проспективного актера. Чтобы в итоге... самому оставить театр: новый драматург топосился стать заместителем драматургом, а главному режиссеру нужны были только хорошие спектакли. И тогда директор начал добиваться перед министерством о назначении на должность главного режиссера актера Иона Шкура, который в то же время оставил его собственную, уже упомянутую пьесу.

Ион Унгуряну оставил группу, а Ион Шкура не сумел сплотить коллектив. Не только потому, что он, превосходный актер, не смог быть режиссером. Унгуряну, помимо того, что хорошо знал свое дело, был также отличным организатором, администратором коллектива, вождю которого собирались «тащить» Ушер Унгуряну — основатель театра и драматург. Остались из них — сам драматург, и остались спектакли по его пьесам.

10 марта 1972 года газета «Правда» печатала статью «Драма в театре», в которой директор «Лучафзула» выступал в роли вельможи не последней степени. Но в театре не произошло никаких перемен,

если не считать того, что Ион Подольяну с триумфом возвратился в Кишинев. Вернулся по доброй воле. Ион Шкура остался в одиночестве, вспомнил, что у него нет режиссерского образования, и вскоре отправился в Москву на двухгодичные курсы.

Я не стал бы останавливаться на этом случае, если бы не считал бы его типичным для нашей республики. Семидесятые годы в искусстве и культуре Молдавии оставил по себе недобрую память как пора безответственности, посредственности и демагогии. Запрещалось, кого-либо критиковать, поощрялись всякие ценности, таланты не встречали поддержки.

Вспомним хотя бы судьбу Иона Друца. До сих пор неизвестно, кому пришлось не по вкусу его творчество. Известно лишь, что одно его имя долгое время вызывало гнев у многих ответственных лиц в Молдавии, что в родной республике у него не состоялось ни одной премьеры. Признанный в нашей стране, завоевавший известность и далеко за ее рубежами, самый любимый молдавский драматический писатель (для читателя, разумеется). Ион Друца долгие годы у нас не издавался почти совсем, и если иногда его пьесы и ставились в Кишиневе, то лишь благодаря величайшим усилиям и всегда — го думительным оплодям, после многих других театров. Но и сегодня его пьесы «Светлая святость» не видят свет рампы в столице Советской Молдавии. Как и «Хорошо» Как и «Обратение».

Настало время открыто спросить: кто все-таки отвечает за все это?

Я делаю от того, чтобы утверждать, что в эти полтора десятилетия литература и искусство Советской Молдавии не знали успехов. В этот отрезок времени у нас появилось несколько интересных спектаклей, вышло в свет много талантливых книг поэзии и прозы. Но все, что причиняло нам до сих пор боль, может стать хроническим недугом, если будет и «вперед» замалчиваться. Спрашивая, кто ответит за совершенные ошибки, я задаю этот вопрос также себе, ибо часть вины за них лежит и на мне — коммунисте, писателе.

Страна переживает ныне волнующие дни возмущающего очищения умов и сердец. Прошло, надеюсь, время, когда театральным руководителям человека незначили только по так называемым «анкетным данным». Ныне такой руководитель должен быть истинным художником. Не говорю уж о культуре — в самом широком смысле слова. Некомпетентный руководитель, лишенный культуры, обязательный заведет творческий коллектив в тупик.

С 1975 и до 1985 года Молдавский музыкально-драматический театр имени А. С. Пушкина возглавляли три главных режиссера и, естественно, три директора. После освобождения от должности В. Кулчи главным режиссером был назначен В. Апостол, Ученик Анатолия Эфроса, Вениамин Апостол пытался вернуть в театр неподдельную, ничем не сфальсифицированную жизнь нашего современника со всеми его проблемами. Но не нашел общего языка с тогдашним директором, уже упомянутым Ионом Подольяну, и попросил освободить его от работы. Выполнив с величайшим удовольствием эту просьбу, министр культуры тов. А. С. Константинов вернул на должность главного режиссера Валерия Купчу. Конечно, с согласия директора. Директор и главный режиссер торжественно обещали за пять лет основательно подготовить театр к гастролям в Москве, назначенным в 1985 год.

Четыре года совместных хлопот, однако, привели лишь к тому, что между обоими руководителями вспыхнула яростный конфликт. Министерство, как у нас заведено, вмешалось, главного режиссера перевели в актеры, а директор... в третий раз вернулся в министерство. Комиссия, присланная Министерством культуры СССР, установила, что театр не готов к гастролям в столице; однако республиканские инстанции проявили настоятельность, и театр имени Пушкина поехал в Москву — показать

себя. Как он себя показал, известно по рецензиям в «Правде» и в «Советской культуре».

К сожалению, никаких выводов из этих справедливых публикаций у нас не сделали. Мы вернулись тогда из Москвы, как будто ничего не случилось...

Жаль актеров. Ибо многие из них (Константин Константинос, Аркадий Плащиде, Мефодий Апостолов, Доминика Даренко, Екатерина Казимирова) из года в год толь-ко и делают, что участвуют в беспощадных экспериментах. Годы идут, а талантливые актеры ждут хорошего режиссера, чтобы наконец пережить свой звездный час; актеры, которые могли бы оказать честь любому профессиональному театру.

Приведу еще два примера из истории собственного взаимоотношений с театром.

В 1979 году я написал пьесу «Древо жизни». На всеобщем конкурсе на лучший пьесу о тружениках она была отмечена премией. Музыкально-драматический театр имени А. С. Пушкина включил ее в свой репертуар, и с того момента у нее появилось множество оппонентов, кто-то воспеивали: «А может ли наш национальный театр включать в юбилейную афишу постановку, в которой главные герои — женщины, отравленная алкоголем». В ту пору такая точка зрения имела немало приверженцев. Тогда театр сумел отстоять свою позицию, и спектакль «Древо жизни» уже четвертый сезон представлен в его репертуаре. Но случается, к сожалению, и наоборот, и тогда несправедливо, как из года в год, начинают сыпаться на голову авторы.

Я написал пьесу «Азбука» — за полтора года до того, как вошло в свет постановление о школьной реформе. Принес ее в театр, и режиссер Вениамин Апостол начал работу. Но однажды утром в кабинете режиссера пронзительно зазвонил телефон и властный голос министра культуры указал: «Азбука» написана с неверных идеологических позиций, постановка запрещается!»

Пришлось уже мне целое лето провоевать с невидимками, чтобы в конце концов театру позволили вернуться к спектаклю. Реплики редактировали директора, секретари, инспекторы, старшие и младшие, и т. д. и т. п. На гастролях в Москве я ни во всех орехах был возложена, разумеется, на автора, а на не множество лиц, редактировавших пьесу. Зато они, мои редакторы, сумели наконец убедиться: спектакль — наш, поднятые в нем проблемы — наши, именно те, которые должна разрешить реформа школы. Отныне у них не было ко мне никаких претензий.

В Молдавии по сравнению с другими союзными республиками очень мало профессиональных театров. До боли мало; можно сосчитать по пальцам. Печально, но факт. Десяти лет театральное искусство в республике было поущено на самотек. За это время появились знаменитые животноодческие комплексы, которые обанкротились так же быстро, как были возведены; вознеслись к небу монументальные административные здания с амбициозными кабинетами; возникли великолепные многокилометровые хранилища для вина; были устанены коврами многочисленные банкетные залы. И за все это время в новое помещение переехал один-единственный театр — оперы и балета в Кишиневе. Сооружение этого очага культуры, надо сказать, сопровождалось довольно громким судебным процессом, выявившим огромную крупную денежную средств...

Как бы то ни было, у театра оперы и балета сегодня есть собственное помещение, и с этой точки зрения его положение куда лучше, чем, например, у Бельского музыкально-драматического театра или республиканского датского. Эти, в сущности, без крыши над головой.

Надо думать, в недалеком будущем все проблемы найдут свое решение. Ибо время добрых надежд у нас наступает с преодолением большой и дружной весны.

КИШИНЕВ